

Андрей Мурай
(Санкт-Петербург)

ТАКОЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕТСКИЙ ДЕНЬ

*Голубое основанье,
Золотое остриё...
Сердцем помню только детство:
Все другое - не моё.
И.А.Бунин*

Почему я этот день помню? Что во мне помнит этот день? Прошло более шести десятков лет, я сотни раз поменялся и физически, и метафизически. Во мне не осталось ни одной молекулы, ни одного атома от меня тогдашнего – маленького, начинающего жить человека. Такую память не сохранить ни головой, ни сердцем. Живая клетка при всей её разумности событийной памятью не обладает и не передаёт произошедшие события как эстафетные палочки. Сохранилось в душе – памятной, беспокойной, нестареющей.

Я вспоминаю детство. Случалось мне в те далёкие годы, гуляя во дворе, навалить полные штаны. Бывало это достаточно часто, откуда взялась такая напасть, никто не понимал. Этими «никто» были мои бабушка и дедушка, которые всякий раз меня отчаянно ругали. И вот хожу я как-то с полными штанами в дальнем закутке двора, и очень мне не хочется возвращаться домой, выслушивать то, что скажут мои воспитатели. Уже стемнело, а я хожу и фантазирую, что вот сейчас откуда ни возьмись явятся Три Богатыря и скажут: «Здравствуй, мальчик. Мы пришли к тебе на подмогу. Какое будет твоё задание?» А я отвечу: «Перво-наперво, ребята, – штаны. Смотрите, что делается! Их надо поскорее постирать и высушить». Богатыри всё быстро постирают, всё высушат, я всё чистое, свежее надену и приду к дедушке и бабушке незапятнанным.

Сравнительно быстро научился я содержать в чистоте нижнее бельё, а вот мечты и фантазии преследуют меня до сих пор и не дают мне покоя. Как случается на пути трудность или заминка, тут же я начинаю придумывать да прикидывать: «Эх, кабы сейчас... А вот бы у меня... И тут как спустятся да на парашюте...».

Никак мне не смириться с тем, что никто не явится, не выскочит, не спустится, не материализуется, и рассчитывать можно только на себя. Вот и сейчас, написав это, притомился я чуток и подумал: «А вот бы клавиши сами нажимались, буквы на экране сами собой появлялись, а я только посматривал бы – а что же там мною пишется...»

Дедушка бреется. К рукомойнику он принёс миску с тёплой водой и стакан с очень тёплой водой. Сначала дедушка правил бритву на длинном ремне с проплешиной посередине. Этот ремень висит рядом на шкафу. Потом

дедушка долго мылился помазком. Потом ещё пару раз резко провёл бритвой по ремню от себя вверх и оглядел лезвие. Убедившись в том, что бритва наточена остро-остро, дедушка опустил её в стакан с очень тёплой водой и подержал там немного. Затем стал подносить бритву к лицу, осторожно выбривая небольшие участки кожи. Очень медленно, очень не торопясь. Бывает, дедушка чертыхается. Значит, он порезался. Тогда дедушка кричит: «Надя!..» На зов приходит бабушка и подаёт оплошавшему мужу ватку и йод. Но такое случается нечасто. Дедушка бреется осторожно...

На завтрак манная каша и сыр. Манная каша противная, хотя и сварена без комочков. Сыр просто так есть скучно. Ну просто так его никто есть и не собирается. Откусив, можно посмотреть, на что похож оставшийся кусок. Иногда он похож на горку, иногда на голову шахматного коня, а иногда на жёлтого крокодила. Потом сыр кончается и становится ни на что не похож... Из последних кулинарных испытаний самым серьёзным для меня была чёрная икра. Приехала мама, привезла небольшую баночку чего-то чёрного. Вместе с бабушкой они мне говорили, что это икра, что она полезная, паюсная и очень вкусная... Я с трудом сдержался, чтобы эту гадость не выплюнуть...

Бабушка взяла меня с собой в магазин. Мы стоим в очереди за молоком. Бабушка пережидает, когда продавец – шустрая тётя в белом халате и белой косынке – откроет новую флягу. Сверху молоко и жирнее, и вкуснее. Многие женщины берут молоко какое попало, но бабушка так поступить не может. В магазине душно и скучно, я выхожу на улицу. Рядом с магазином висит почтовый ящик. Из щели ящика внизу еле-еле виднеется кусочек письма. За маленький уголок я аккуратно вытаскиваю всё письмо наружу. По причине малости роста я не могу бросить конверт обратно в ящик и бросаю чьё-то письмо в рядом стоящую урну. Я совершаю первый в жизни гадкий поступок. Бабушка выходит из магазина с молоком, и мы идём домой. Переходим улицу Красную. Сегодня будний день, машин нет, но мы всё равно переходим на зелёный свет. Мимо книжного магазина идём к нашему дому. Книжный магазин на дворовом жаргоне назывался «кайгиз». Непонятно, почему. Или так сократили «Краевое издательство», или – «Краснодарское краевое издательство». Дошли, вот и номерной знак – 19. Разбуди меня тогда среди ночи и спроси: «Мальчик, где ты живёшь?» Я бы ответил без запинки: «Красная, девятнадцать». Откуда они взялись, эта улица, этот дом, я не знаю, потому что, когда меня не было, они уже были. А меня туда принесли из Краснодарского роддома N1. Мы проходим через длинную подворотню во двор. По двору слоняется одинокий Бока. Это мой товарищ по играм, хорошим и разным. Недавно, например, мы прыгали в лужу. Конечно, придумал эту замечательную игру Бока, потому что в нашей паре он был ведущим, а я – ведомым. Лужа получилась от сильного летнего дождя и была большая, как море. На нашу удачу рядом с этим морем

разливанным стояла бочка, на которую Бока с трудом забирался и, распрямившись во весь малый рост, прыгал. Когда он достигал поверхности воды, когда брызги летели во все стороны, чумазая рожица друга-Боки озарялась таким заоблачным счастьем, которое взрослому человеку, конечно, никогда и ни за что не испытать... Потом на бочку закарабкался я. Самому было не залезть, и Бока меня подсаживал. «Прыгай!» – пустота полёта, и дух захватывает, и тёплое мокрое приземление, и брызги вокруг...

«Ах!» – сказала бабушка, когда я пришёл сдаваться домой.

«Нет, нет, – строго сказала бабушка Боке, – он сегодня не выйдет, мы ещё на рынок пойдём...» Бока огорчается. Вообще-то родители называли его Боря, но буква «р» пока у Боки не выговаривается. «Нам до буквы «р», как до Берлина», – говорит мать Бори-Боки...

Мы на рынке.левой рукой бабушка контролирует моё присутствие, а правой перебирает овощи. Смотреть на бабушку любо-дорого, она в своей стихии. Знает, кому улыбнуться, а с кем поругаться, с какой ценой согласиться, а кому сказать: «Значит, не договорились». Покупаем мы всегда много; когда возвращаемся, бабушка несёт две тяжёлые сетки. Такие тяжеленные мне ни за что не поднять, но я помогаю, как могу – оттягиваю чуть в сторону сетку, ту, что справа, чтобы она не тёрлась бабушке о ногу. По дороге мы разговариваем. На рынке я услышал, как одна женщина говорила другой: «Такая была курочка хорошая, сама себя пожарила...» Я выспрашиваю у бабушки, как это курочка сама залезла на сковородку, сама за собой крышку закрыла, а кто же ей газ зажигал? Бабушка останавливается, ставит на землю обе сетки, смеётся, а потом подробно мне объясняет, о чём говорила женщина. Конечно, это она сама курочку и помыла, и разделала, и на сковородку положила, но курочка эта такая была свежая, такая сочная, такая жирная, что никакого другого жира на сковородку добавлять было не надо...

Мы перебираем гречневую крупу. Бабушка высыпает на стол гречку и быстрыми движениями убирает в сторону чёрные крупинки и разный мусор. Когда на столе остаются только чистые крупинки, бабушка ссыпает их в большую трёхлитровую банку. Я бабушке помогаю. Хотя сортировщик из меня медленный. «Бабушка, – спрашиваю я. – А зачем мы убираем чёрные крупинки? Их ведь тоже можно сварить».

«Можно сварить с ними, – отвечает бабушка. – Но тогда чёрная крупинка или мусор может оказаться в тарелке у тебя, или у Тани, или у дедушки. И мне будет стыдно...»

Таня — это моя тётя. Младшая дочка бабушки и дедушки. Она учится в институте. Недавно я её очень подвёл. Таня гуляла с кавалером. Кавалер робкий и трепетный. Парочка подошла к нашему окну.

«Мама!» – томно окликнула романтично настроенная тётя.
 «Гавняма!!!» – выкрикнул я во весь голос, выскочив из окна как чёрт из табакерки... Чувство рифмы была развито у меня с детства.

После обеда бабушка укладывает меня спать. Это самое нелюбимое для меня время суток – после обеда. Кровать расстелена. Занавески плотно задёрнуты. Тихий час. Рядом висит трофейный прикроватный коврик. На нём выткана красивая картина. В центре – двое мужчин. Один держит перед собой пенсне и удивлённо разглядывает что-то необычное. Бабушка, поводя глазами на картину, говорит певучим голосом на манер Арины Родионовны: «Ничего подобного не видывали ещё в той деревне. Растение зелёное, всё в колючках, а сверху – прекрасный цветок, похожий на яркую бабочку, которая присела на минутку и вот-вот взлетит. «Где же вы, уважаемый сосед, достали такое чудо? – спрашивает господин с пенсне. – Как зовётся эта колючая невидаль?» Второй мужчина в длинном сюртуке довольно улыбается. Диковинка им поставлена на видное место перед террасой, сам он не спеша покуривает трубку и сейчас скажет, что колючее растение называется «кактус». Сразу видно, что попал кактус в хорошие руки, хозяин его – человек домовитый и аккуратный. Смотри, как у него всё прибрано, как всё чистенько. Грядки на огороде ровные-преровные. А какая шикарная растёт капуста. И не только у него. Видно, что в этой местности живут только трудолюбивые люди. Дома все ярко выкрашенные, ухоженные. А там далеко-далеко видны горы. Это – Альпы...»

В десятый раз слушать эту историю мне неинтересно, ещё ненароком усну. «Бабушка, – перебиваю я. – А расскажи про «Синюю блузу».

«Нет, – говорит бабушка, – сейчас надо спать». Но я чувствую, что говорит она это недостаточно твёрдо. Ей и самой хочется рассказать не про кактус, а что-нибудь из той прошлой, молодой жизни. Когда бабушка была барышней.

«Ну, бабушка, ну, пожалуйста, ну немножко...» И бабушка не выдерживает, читает:

Чай поставил на таганку,
 Раза два прикипятит,
 А для пущего эхвекту
 Сверху маслица подлил.
 Чтобы блёстки были...

Ну, вот, это то, что надо. Так жить можно, даже лёжа в кровати.

«Чай готов, извольте кушать»,
 Снял я с барина пальто.
 Молодец, коль будешь слушать,
 И хвалю тебя за то...

А однажды одна новенькая актриса так смешно ошиблась! У неё в роли было: «спешу в объятия Морфея», а она сказала: «Спешу в объятия Матвея!» Тут бабушка смеётся, и я вместе с ней. Мне, собственно, всё равно, в чьи объятия попадёт не знакомая мне актриса – Матвея, Морфея, но бабушка смеётся так молодо, так заразительно, что удержаться невозможно. Мы хохочем вместе. Какой там сон!..

Я гуляю во дворе. Убедившись, что Боки нет, бабушка выпустила меня ненадолго. Кроме меня – никого. А вчера высыпала на двор вся малышня: захала во двор огромная и тяжёлая машина – «Победа». Важный толстый дядька приехал по делу. Пока этого толстяка не было, мы целый час его машину рассматривали. Я иду к большому дворницкому ящику. С ним у меня связаны только хорошие воспоминания. Раньше я был уверен, что ящик этот волшебный, и в нём спрятано что-то драгоценное. Но в одно воскресенье я узнал, что это не так... Обычно по воскресеньям мы с дедушкой ходим гулять в парк. К слонику. Он стоит в самом центре парка с гордо поднятым хоботом. На спине слоника мальчик-погонщик, а у толстых сдвинутых ног – страшные крокодилы. Из пасти крокодилов бьёт вода, заполняя круглый водоём, в котором до войны плавали рыбы. В то воскресенье уцепилась вместе с нами в парк Зина. У девочки Зины большая чёрная коса. Зина и крупнее, и старше меня. Но мы с ней иногда играем в прятки. До парка идти совсем недолго. По Красной, потом первый поворот налево, потом квартал пройти по улице Мира, и вот он чуть наискосок – парк. А в центре – слоник. Каждый раз я поражаюсь его красоте и силе, каждый раз с интересом разглядываю крокодилов. Дедушка присел на лавочку читать свою «Правду», мы с Зиной побегали вокруг слоника, попрятались по кустам, пособирали камушки, а потом Зина сказала: «Давай спрячемся от дедушки». Я легко согласился. Мы долго ждали, когда дедушка хватится и станет нас искать, а дедушка всё читал газету. Наконец газета у дедушки кончилась, и он заметил, что нас нет. Дедушка озирается, привстаёт и начинает, прихрамывая, ходить вдоль аллеи. Мы осторожно идём вслед за дедушкой, прячась за кустами. Я вижу только дедушкину шляпу. Она, как лодка по волнам, плывёт поверх кустов. Мне жалко хроменького дедушку, но не хочется срывать игру. А девочка Зина довольно хихикает, ей игра нравится полностью. Наконец дедушке надоедает нас искать, и он уходит домой. Мы по противоположной стороне улицы идём за ним следом. Когда мы приходим во двор, дедушка уже смотрит, как соседи играют в шахматы. «О, – сказал дедушка, увидев нас, – куда же вы подевались!» Он так обрадовался, что и ругать нас не стал.

Домой идти было рано, и мы с Зиной стали играть в прятки. Зина всегда меня быстро находила, а я её не находил никогда... И вот тут-то дедушка посадил меня в ящик. Наверное, он подозревал Зину в подстрекательстве к нашей пропаже и решил ей отомстить. Пока Зина, зажмурив глаза, стояла у стены, там, где было крупно написано «КОН», дедушка открыл чёрный ящик

и приподнял меня. В ящике оказались вовсе даже не драгоценности, а ведро, лопата и мётлы. Нашлось место и для маленького мальчика. Усадив меня, дедушка ушёл играть в шахматы. Я сидел и смотрел, как девочка Зина с большой чёрной косой ходит по двору. Ищет меня, а найти не может. Хороший ящик, раньше здесь жил сверчок, и мы с Боккой ходили его слушать. Когда запустили спутник, все жители нашего дома вышли высматривать на звёздном небе небольшую движущуюся точку. Дедушка показал мне спутник: «Ну вот же он, вот...» Я попросил дедушку поставить меня на ящик, мне захотелось быть поближе к спутнику...

Девочка Зина, не найдя меня, обиделась и ушла домой. Дедушка обо мне вспомнил (большое спасибо!) и достал из ящика. Мы пришли домой, и бабушка нас встретила радостно: «На-гу-ля-лись!..» Всё было хорошо, но я всё испортил. Во мне оставалось чувство вины перед дедушкой. Казалось бы, ну поиграли, ну и что?.. Но я понимал, что поступил нехорошо, и мне было стыдно... Я всё рассказал бабушке... Меня она не осудила ни словом, девочку Зину разве что немного («дура, она дура и есть, что с неё взять!»), а вот дедушке досталось на орехи. За то, что ушёл из парка один. Без меня и без Зины. Бабушка долго бухтела. А дедушка только и сказал: «Да куда б они делись, эти дети...» И прав, сто раз прав был Андрей Фомич! Время-то было незлодейское. Ведь помню, как выбегал я через нашу длинную подворотню смотреть первомайскую демонстрацию. Люди шагали огромной колонной, несли флаги, портреты, плакаты, пели песни, играл баян, все были радостные. Какой-то дядька подхватил меня на плечи и нёс полквартиры. Кто бы тогда заподозрил этого большого доброго дядьку в чём-то нехорошем?

Какие они всё-таки хорошие – весенние, подсвеченные южным солнцем праздники: Восьмое марта, Первомай... Чуть позже появился ещё один замечательный весенний праздник – 12 апреля – День космонавтики. Ну и конечно, наша семейная дата – 18 марта. В этот день с разницей в семь лет родились у дедушки и бабушки две девочки: моя мама и моя тётя. Маму дедушка, член ВКП(б) с 1920 года, назвал Лилианой в честь писательницы Этель Лилиан Войнич, автора революционно-освободительного романа «Овод», вторую дочь назвала бабушка. В честь онегинской Татьяны. Мама гордилась тем, что родилась в День Парижской Коммуны. Говорила: «Поэтому всю жизнь – на баррикадах».

Зимой порадоваться празднику у меня не получается. Даже в Новый год... В разгар шумного праздника бабушка поставила у ёлки белый табурет и подозвала меня. Я послушно подошёл. Бабушка подняла меня на табуретку, а сама стала сзади. Из дальней комнаты вышла мама, в её руках – ножницы. Я всё понял! Сейчас мне будут стричь ногти. Как я этого не любил! Всегда вырывался, убегал, прятался, но сейчас стрижка ногтей неизбежна: сзади бабушка, вот уже близко мама, а главное, стыдно перед детьми и взрослыми, которые собрались вокруг. Меня для того и выставили, чтобы мне было

стыдно, если вздумаю убежать или заплачу... Всё это пронеслось в моей бедовой голове, и, когда мама подошла ко мне, я покорно протянул руку... Оказалось, ножницы для того, чтобы я срезал с ёлки любую конфету...

Мы с бабушкой в кино. На экране скачут на лошадях, бегают друг за другом, размахивая шпагами, целуются... Так скучно... Я устал сидеть, я хочу домой и постоянно спрашиваю бабушку: «Скоро кончится?» «Скоро, скоро», - говорит бабушка, а сама на меня и не смотрит, смотрит на экран. Я смотрю на бабушку, я понимаю, что кино ей нравится, а мне скучно... Гуляя, я нашёл у ящика гибкую ветку и задумал сделать лук. Дело оставалось за малым – где-нибудь найти тетиву, закрепить её, и стреляй себе высоко-высоко деревянными стрелами. Но вышла бабушка и окликнула меня, я только успел спрятать свою гибкую ветку около решетки канализационного стока. Бабушка подцепила меня за руку, и вот мы пришли в кино, и вот высиживаю я на жёстком сидении...

Первый раз меня водил в кино дедушка, фильм был для детей, я не заметил, как прошло время, я не запомнил, о чём фильм, там была такая красивая девочка, её лицо, и во весь экран её огромные глаза, которые смотрели на меня... Эти голубые глаза смотрели на меня, когда дедушка вёл меня, притихшего, домой, они смотрели на меня, когда я засыпал, даже утром трусики я надевал под одеялом: я стеснялся, мне казалось, что на меня смотрят огромные голубые глаза красивой девочки...

Ну ладно, пусть фильм для взрослых, но куда лучше было бы смотреть его в летнем кинотеатре. Там можно побегать в сторонке, почертить палкой на песке. Мы недавно ходили в такой кинотеатр, он назывался «Южный». Фильм тоже был неинтересный: всё время что-то пели, два дядьки сначала дружили, вместе катались на лошадях, а потом стали стрелять друг в друга из пистолетов... Дедушка не ходит с бабушкой в кино. Деда и со мной-то сходить долго уговаривали. Он поздно возвращается с работы, очень устаёт. А потом дедушка у нас хромает, и поэтому в публичных местах с бабушкой показывается неохотно. Таня ходит в кино со своими кавалерами, а старшая дочь Лиля (моя мама) окончила институт и уехала в другой город по распределению. Вот и получается, что, кроме меня, ходить с бабушкой в кино некому. Сегодняшний фильм бабушке нравится, она из бывших актрис, смотрит на экран неотрывным взглядом, а мне на экран смотреть неинтересно, гораздо интересней смотреть на бабушку. Может быть, сейчас она вовсе и не бабушка, а Констанция, и надо же – опять мелкий шкет врывается в её сладкие грёзы бестактным вопросом: «Когда кончится?..»

Ну наконец кончилось. В зале зажётся свет, зрители шумно повставали с мест и строем стали выходить из кинозала. Мы тоже вышли и быстро пошли домой. Мы оба возбуждены. Бабушка просмотренным зрелищем, а я предстоящей работой над луком...

Четыре года спустя мы тоже возвращались с бабушкой из кино. На этот раз фильм понравился нам обоим. Я уже стал кое-что понимать, плюс к тому – магия красивой женщины? Фильм назывался «Бабетта идёт на войну». Брижит Бардо скакала на лошадях, летала на самолётах, прыгала с парашютом, перепрыгивала через стены, ну и, конечно, сводила с ума мужчин. На бабушку фильм произвёл сильное впечатление. Приключений в её жизни было мало, разве что кувырки в «Синей блузе» да немецкие бомбёжки. Остальное – жизнь домохозяйки. Вышла она замуж за хроменького дедушку, которому уже было почти тридцать шесть лет. С дедушкой много не напрыгаешь. Альянс получился и долгий, и крепкий, обоюдно терпеливый, но часть бабушкиной души – отчаянная, авантюрная, бесшабашная – осталась нереализованной. Ненакормленной. И вот, наконец, эта заморенная жизненными обстоятельствами изголодавшаяся часть души получила, пусть суррогатную, но пищу! Бабушка помолодела лет на двадцать, она не шла, а летела и вся светила счастием. Как будто это она, моя бабушка, а вовсе не знаменитая француженка, полтора часа сводила с ума мужчин, прыгала с парашютом, летала на самолётах, скакала на лошадях... Ах, кинематограф! Ах, Великий обманщик! Может быть, ты и есть тот безумец, который навеет человечеству сон золотой? Тогда честь тебе!..

Горе мне, горе. Моя гибкая ветка провалилась в канализационный сток. Я её видел, но достать не мог. Прижавшись лбом к решётке стока, я плакал... Беда не приходит одна, вечером дедушка отказался играть со мной в шахматы. Мы с бабушкой уговариваем дедушку вместе: «Ну, один разок... Но мы же быстренько... ну, пожалуйста...» «Быстренько так быстренько...» – злясь, соглашается дедушка. Мы расставляем шахматы. У меня белые фигуры, но право выступки счастья мне не приносит, дедушка ставит мне мат в четыре хода... «Детский» мат. Дольше расставляли фигуры, чем играли. «А теперь спать», - говорит бабушка. Я расстроен, меня опять обманули взрослые. Я помню их первый обман... Тогда уезжала мама... Я чувствовал, что мама уедет, что я проснусь, а мамы не будет, и я стал капризничать. Я капризничаю больше и больше, я отказываюсь ложиться спать без мамы, меня уговаривают, но я не соглашаюсь ни в какую и вот-вот расплачусь. Наконец, мои условия принимаются, мама ложится на краешек кровати, я понемногу успокаиваюсь и, обняв маму, засыпаю, но, ещё не заснув окончательно, чувствую, что мама медленно-медленно отодвигается от меня, вместо неё бабушка подсовывает мне подушку, в полусне я полувижу-получувствую обман, но не могу ему воспрепятствовать, потому что засыпаю, обняв подушку...

А сейчас я засыпал расстроенным и обиженным на весь белый свет.... А почему?! Может быть, у меня к тому времени ещё не вырос орган, которым человек воспринимает счастье? Ведь если разобраться, у меня был такой

прекрасный длинный-длинный-длинный детский день! Сколько я узнал! Сколько всего произошло! Ну да, была утром манная каша, так я её и не ел, только поковырял для приличия. Долго сидел в кино – но я же выводил гулять бабушку. Потерял гибкую ветку, но ведь мечта – сделать лук, – она-то осталась. Получил «детский» мат – но потом такой мат я поставил всем мальчишкам нашего двора. Дедушка мной гордился! Он запомнил эти мои триумфы. На семилетие дедушка подарил мне шахматы и подписал на обратной стороне доски после моего имени «юный шахматист» и, подумав, добавил – «мастер “детского” мата».